

Сегодня. — 1995. — 12 апр. — с. 10.

Сеятель кисти О. Бендера

ГЦКЗ «Россия». Гала-концерт звезд балета в честь Анны Павловой

Татьяна Кузнецова

Ч

ичиков обольстил губернию. Удивительная женщина Валентина Жиленкова, создатель и директор Русского театра классического балета им. Анны Павловой, обольстила правительство Москвы вместе с его комитетом по культуре, АО «Агрохиминвест», Аэрофлот, ночной клуб «Каро» и пару десятков деятелей культуры — от неизменных Дмитрия Лихачева с Ириной Антоновой до неизвестных у нас Кит Мани с берегов Альбиона и Сони Амелии из пустынной Мексики. Театр существует с 1993 года, и с тех пор, говорится в пресс-релизе, «имя и творческое наследие нашей великой соотечественницы получило прописку на родной земле». Точнее, на Шереметьевской улице, где по оригинальному проекту к осени собираются возвести Универсальный театральный комплекс. И тогда осуществление «любых международных постановок балетов, обучение творческой молодежи и оздоровление солистов станут явью, а не мечтой Анны Павловой».

Предприятие и впрямь уникально: в труппе театра нет ни одного артиста, в репертуаре — ни одного спектакля, и лишь недавно появился балетмейстер. Зато созданы всякие патронажные и оргкомитеты для проведения Международного фестиваля им. Анны Павловой с участием театров Большого, Мариинского, АВТ, «Нью-Йорк сити балле», трупп Киляна, Ноймайера и доброго десятка чуть менее знаменитых. И все это — к февралю будущего года. Видимо, гарантированы и соответствующие средства.

В ожидании реализации сих межпланетных проектов неугомонный директор, как выясняется, по примеру Павловой сеет разумное, доброе, вечное доступными средствами, организуя гала-концерты звезд балета, мобилизованных с территории СНГ. Пресс-релиз предупреждает: «Если вы думаете, что это обычный рядовой концерт русского балета, вы ошибаетесь. Речь идет о возрождении сокровенной славы русского балета, неразрывно связанной с именем Анны Павловой, которая отнюдь не по доброй воле была вынуждена после 1917 года обречь себя на всемирные скитания до самой кончины. Теперь ее прах вопиет к нам на частном протестантском кладбище в Лондоне, а ее балетное наследие распростерлось по всему миру, где она вынуждена была сеять славу русского балета за неимением родины».

Посеянное Жиленковой в Москве обернулось громадной замочной скважиной в клубящемся злобней чернотой плотном сером заднике. Там, видимо, и обреталось Наследие — смутно серела лестница, ведущая, подозреваю, на балетный Парнас (художник Виктор Герасименко). Пара серебристых пиявок обрамляла эти врата в Бессмертие. Растопыряли выпнутые жирные пальцы гигантские лебединые крылья (три пары), спущенные с колосников. Худосочным черенком загораживал отверстие парфюмерно-ланкомовский розан. Сквозь скважину поддувало Искусством. Был явлен комикс по «Жизели», скомпонованный с отчаянной смелостью: в начале леденящий выход суровой Мирты (засл. арт. Республики Беларусь звезда Татьяна Шеметовец); затем отчетливо различимый в потемках рабочий водрузил на сцену скамью, Жизель (не менее заслуженная нижегородская звезда Елена Лебедева) впопыхах познакомилась с Альбертом, с ходу сошла с ума и, невзирая на отсутствие необходимых по мизансцене друзей, родных, поклонников и чуждых аристократов, благополучно и скоропалительно померла; после чего в обличье виллисы явилась еще одна заслуженная звезда по имени Людмила Шипулина в сопровождении заслуженного Виктора Дика, и все пошло бы, как «в обычном рядовом концерте», кабы не оркестр Российской телерадиокомпания «Останкино», врезавший столь бодрый темп, что события на лесном кладбище растеряли остатки элечности.

«Дон Кихот» также порадовал сюрпризом: в адском багровом пламени горела Барселона — давали забойный первый акт знаменитого балета. Толпу

жизнерадостных испанцев изображали шестеро наспех намербованных рослых рекрутов, одетых в коричневые эластичные комбинезончики на манер обезьянок из «Доктора Айболита» и, по-видимому, не знакомых ни с сюжетом, ни с хореографией первоисточника: их непреклонная мрачность, общее оцепенение конечностей и замысловатость полубезумных движений выдавали неофитов. В прыжковой партии Уличной танцовщицы выступала помянутая Шеметовец, прыжка напрочь лишенная. Херувим Алексей Поповченко из Большого сиял ангельской красотой. На таком фоне уверенное брио и безукоризненная техника победительницы конкурса «Майя» Елены Филипповой выглядели странной причудой профессионала, выступающего в полную силу на танцверанде дома отдыха.

С третьим пластом наследия почти не экспериментировали: белела в синеве мазохисткой Одеттой томная народная звезда из Белоруссии Инесса Душкевич; чернела на кроваво-фиолетовой сцене салистка Одиллия в исполнении крепко сбитой литовской звезды Лоретты Бартусявичуте.

С двадцатым веком (видимо, из-за кончины Анны Павловой) дело пошло потяжелее. Два Шопена, Вальс и Ноктюрн, Фокин и Брянецев, начало и ко-

нец, романтично и благонаравно обрамляли монологи и дуэты, произведенные в разные годы Валентином Елизарьевым, Юрием Сморигиным и Юрием Григоровичем. В звездном исполнении все эти Кармены, Богоматери, Восточные парицы все как одна смахивали на Арину, мать солдатскую. Дебют в Москве балетмейстера аннопавловского театра Алексея Садовского (дуэт Дафниса и Хлои на музыку Мориса Равеля) прозвучал довольно невнятно — отчасти по причине недостаточной осведомленности артистов ГАБТа Елены Андриенко и Дмитрия Белоголовцева о характере взаимоотношений героев.

Открывала и венчала действо известная телезрителям звезда-юниорка Настя Меськова, ныне оттачивающая свой талант импровизатора под наблюдением Софьи Головкиной. С капустой лебединых перьев на детской головке она симпровизировала (очень по-фокински) Умирающего Лебеда. И под звуки Сен-Санса в скважине на парнасской лестнице обозначились путеводные звезды, приобщавшие к Наследию. Прах Анны Павловой на частном протестантском кладбище в Лондоне может смириться со своей участью.